

Н.А. Бердяев о самопознании¹

А.И. Назаров

Анализируются взгляды Н.А. Бердяева на формы, содержание и цель самопознания, трактовка им проблемы соотношений индивидуального мировоззрения и общественного устройства, трансцендентного и реального миров, самопознания и творчества. В заключение приводятся соображения, уточняющие понятие самопознания.

Ключевые слова: самопознание, самосознание, трансцендентное, творчество.

Формы самопознания

В Предисловии к своей книге «Самопознание» Бердяев приводит примеры нескольких литературных жанров, которые имеют непосредственное отношение к теме о самопознании: воспоминания, дневники, исповеди, автобиографии. Общим для этих жанров является то, что в них рассказывается о событиях прошлого, о мыслях и чувствах переживших эти события авторов. Еще одна общая черта, которую Бердяев расценивает скорее как отрицательную и даже раздражающую, – чрезмерная эгоцентричность этих жанров [1, с. 7]². Свою книгу Бердяев относит к особому типу, называя его философской автобиографией.

«Я никогда не писал дневника. Я не собираюсь публично каяться. Я не хочу писать воспоминаний о событиях жизни моей эпохи... Это не будет и автобиографией в обычном смысле слова, рассказывающей о моей жизни в хронологическом порядке. Если это и будет автобиографией, то автобиографией философской, историей духа и самосознания» [1, с. 7].

Конечно, здесь Бердяев имеет в виду не гегелевскую феноменологию абстрактного духа, а индивидуальную историю своей духовности и своего самосознания. Но это не следует понимать в том смысле, который навязывается традиционной трактовкой самопознания. Бердяев не делает себя объектом или предметом анализа:

«Я не хочу обнажать души, не хочу выбрасывать во вне сырьё своей души» [1, с. 8]. *И еще: «Я не задаюсь целью обнаружить себя в сыром виде, обнажить себя...»* [1, с. 319].

Бердяевское самопознание – это не самоанализ, не копание в себе, не желание выразить и запечатлеть себя; такая направленность самопознания выражает неосознанную тенденцию людей мыслить себя как нечто автономное, обособленное по отношению к не-Я. Вот как Бердяев определяет предметное содержание своей книги:

«Между фактами моей жизни и книгой о них будет лежать акт познания, который меня более всего и интересует» [1, с. 8].

А это означает, что участниками процесса самопознания являются по крайней мере четыре составляющие: Я в прошлом, Я в настоящем, Я познающий, Я написавший. Все это – не просто объекты и субъекты, а действующие лица, причем, совершенно разные, но в то же время пребывающие в одном индивиде. «Я в прошлом» – это вовсе не что-то зафиксированное временем, неизменное, с которого можно срисовывать картину. Оно создается тремя другими Я и предстает перед ними в качестве деятельного субъекта,

¹ Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). – М.: Изд-во «Книга», 1991.

² Номера страниц указаны по вышеупомянутому изданию. Здесь и далее фрагменты текста выделены мною – А.Н.

подобно прекрасной Галатее перед изваявшим ее Пигмалионом. И здесь возможны разные варианты. У древних греков, например,

«самопознающий субъект был разумом, общим разумом, предметом его познания был человек вообще... Общее познавало общее, универсальное познавало универсальное. Сам познающий себя человек стусевывался, в нем оставались лишь общие черты, исчезало необщее выражение лица» [1, с. 316].

А в XIX в. настоящим путем самопознания человеческой субъективности стал художественный роман. Но помимо разнообразия исторических форм, у самопознания есть еще одна степень свободы. Познавая себя, я предстою перед моим сознанием не как индифферентный объект, а как живое существо, которое мне дорого или же ненавистно.

«На этих путях я начинаю творить свой образ, возвеличенный или приниженный, объективированный во мне. Я начинаю себя стилизовать, и мне самому начинает нравиться мой стилизованный образ. Я создаю о себе миф» [1, с. 317].

Конечно, можно стараться быть искренним. Но степень искренности бывает разной:

«Искренность, доведенная до крайности, может оборачиваться рисовкой некрасивыми, уродливыми признаниями. Это искренность не непосредственная, а рефлектирующая, раздвоенная... В познавательных погребках каждого человека, в его низшем «я» есть безобразное, уродливое, потенциально преступное, но важно отношение к этому его высшего, глубокого «я» [1, с. 319-320].

Бердяев считает, что он обходит проблему искренности, поскольку его интересует не само по себе «Я в прошлом», а смысл индивидуального существования в вечности, который открывается «Я познающему» при определенных условиях, не требующих объективации субъективного опыта. Здесь психология самопознания синаптически соединяется с экзистенциальной философией, одним из создателей которой был Н.А.Бердяев (см. «Философский энциклопедический словарь», М.: 1989, ст. «Экзистенциализм»). Эта связь ясно выступает в следующем определении:

«Так называемая экзистенциальная философия, новизна которой мне представляется преувеличенной, понимает философию как познание человеческого существования и познание мира через человеческое существование» [1, с. 8].

О содержании самопознания

Если применить это определение к более узкой теме самопознания, то последнее можно рассматривать как один из путей познания мира, причем познания наиболее глубокого и истинного. В самопознании человеку открывается то, что недоступно обыденному восприятию и даже разуму, обращенному к не-Я:

«В познании о себе самом человек приобщается к тайнам, неведомым в отношении к другим» [1, с. 8].

Иными словами, в самопознании человек открывает для себя то содержание, которое нельзя приобрести при экстравертной ориентации познавательной деятельности. В этом заключается продуктивная функция самопознания и его уникальность как внутреннего средства познавательной деятельности человека. Нашему восприятию и мышлению, обращенным во внешний мир (не только в своем физическом, но и духовном измерении), доступно лишь ставшее, конечное. Постигая законы устройства этого мира, мы превращаем его в аналог машины, которая только движется, но не живет.

«Самое страшное, когда в иные минуты думается, что все плоско и конечно, нет глубины и бесконечности, нет тайны... В детстве все таинственно, таинственный темный угол комнаты. Сфера таинственного потом суживается. Мир объективный... делается все менее и менее таинственным, не таинственны даже бесконечные звездные миры» [1, с. 325].

Познание невозможно и не нужно, если нет переживания тайны. Но тайнами полон и внешний, объективированный мир. Мы постепенно раскрываем некоторые тайны, но в принципе они бесконечны. Едва ли Бердяев этого не знал. Тогда в чем же он усматривал необходимость, смысл и специфику самопознания? Для ответа на этот вопрос остановимся на некоторых деталях его философского мировоззрения, без которых ход его рассуждений останется непонятным.

Бердяев считал, что человеческое существование является средним термином между двумя мирами – потусторонним, трансцендентным бытием и повседневным, эмпирическим бытием. Последнее мы воспринимаем, переживаем и размышляем о нем; это не только физический мир, но и духовный, включающий всю человеческую культуру. Трансцендентный же мир не доступен нашему восприятию и его нельзя постичь средствами рационального мышления, он открывается только интуиции, мистически, а не рационально.

*«Для меня характерно сильное чувство, что этим **принудительно данным миром** не исчерпывается реальность, что есть иной мир, реальность метафизическая, что мы окружены тайной... Наш мир, которым для многих исчерпывается реальность, мне представляется производным»* [1, с. 168].

Отношение между трансцендентным и объективным миром можно сравнить с отношением между мечтой и ее реальным воплощением: между ними нет тождества, всегда есть более или менее выраженное различие. Бердяев не без оснований доводит это различие до антагонизма: объективный мир – это мир падший, несовершенный, тогда как трансцендентный мир – воплощение абсолютного совершенства. Человек существует между этими мирами, в том смысле, что у него есть мистическое чувство трансцендентного и он стремится к нему, но в своей мотивируемой этим чувством деятельности он создает лишь объективный, несовершенный мир:

«Мое «я» переживает себя как пересечение двух миров. При этом «сей мир» переживается как неподлинный, непервичный и не окончательный. Есть «мир иной», более реальный и подлинный. Глубина «я» принадлежит ему» [1, с. 31].

Противоречие «сей мир» – «мир иной» определяет драматическую динамику человеческой жизни и, в частности, чувство неудовлетворенности действительностью. Как раз последнее было очень развито у Бердяева. Он часто говорит о своей неприязни к земной жизни и постоянной тоске по трансцендентному. Но здесь есть один момент, специфичный для его натуры и его мировоззрения: он очень любил природу, животных, запахи, искусство, ему не были чужды эмоции и страсти, он был способен к сопереживанию и воспринимал все события своей эпохи как происходящие с ним. Вот некоторые примеры:

Любовь к природе: *«У меня на всю жизнь сохранилась особенная любовь к садам. Но я чувствовал себя родившимся в лесу и более всего любил лес»* [1, с. 17].

Любовь к животным: *«Мне легко было выразить свою эмоциональную жизнь лишь в отношении к животным, на них изливал я весь запас своей нежности... Это любовь человека, который имеет потребность любви, но с трудом может ее выразить в отношении к людям... У меня есть страстная любовь к собакам, к котам, к птицам, к лошадям, ослам, козлам, слонам... Я бы хотел в вечной жизни быть с животными, особенно с любимыми»* [1, с.38].

О запахах: *«Я исключительно чувствителен к миру запахов. Поэтому у меня страсть к духам. Я хотел бы, чтобы мир превратился в симфонию запахов. Это связано с тем, что я с болезненной остротой воспринимаю дурной запах мира»* [1, с. 31].

У Бердяева неприязнь к земной жизни имела отношение только к ее социальным аспектам, к конечным продуктам человеческой деятельности, общественному устройству, причем, не только современному ему, но и прошлому и даже будущему. Он часто говорит о своей «асоциальности». Но это не анархическая асоциальность, в отрицающем духе которой нет никакой позитивной альтернативы. Здесь – земное несовершенство **по**

сравнению с трансцендентным идеалом. Переживание этого несовершенства разными людьми приводит к разным жизненным судьбам – от суицида до отшельничества. Бердяев создал для себя концепцию персонализма, в которой трансцендентное представлялось такой же реальностью, как и физический мир, а человек был связующим звеном между ними. Смысл земного существования и заключается в том, чтобы сохранять эту связь. Последняя очень динамична, связующее звено постоянно перемещается от одного края к другому, нигде не находя себе покоя, чего-то окончательного, раз и навсегда решенного. Бердяев любил своих близких, у него были друзья, он очень переживал, если в силу своего вспыльчивого темперамента наносил обиды другим людям, кто бы они ни были, легко сходилась с людьми «низшего сословия» (см. описание его дружбы с Акимушкой на с. 201), у него были любимые блюда, – все это черты обычного земного человека. Более того, никак нельзя считать асоциальным человека, который, по его собственному признанию, переживал все события своей эпохи как происходящие с ним. Бердяев, обобщая эти свои индивидуальные особенности, говорит о свойственной ему противоречивости буквально во всем – от жизни в быту до философского мировоззрения. Интересно, что осознание своей противоречивости не создавало у него «когнитивного диссонанса»:

«...я совсем не принадлежу к типу людей, находящихся в постоянном конфликте с собой и рефлектирующих... Я могу себя скрывать, могу прямо выразить свои противоречия, но мне мало свойственна та компенсация, которой такое значение придает современная психопатология» [1, с. 36].

Бердяев говорит о том, что противоречивость – общее свойство человеческой природы. Да и вообще о подавляющем количестве черт своего характера и личности он говорит не как о сугубо индивидуальных, уникальных, а как всеобщих, находящихся свое конкретное выражение в его индивидуальной жизни. В этом – своеобразие бердяевского самопознания: на своем частном примере он познает не столько себя, сколько индивидуальное проявление всеобщего, которое и является конечной целью этого процесса.

Индивид и общество

Познавая себя как индивидуально-особенное в общем, человек так или иначе сталкивается с целым рядом проблем, которые должны иметь индивидуальное решение, несмотря на то, что их решения в общем виде, для абстрактного индивида уже существуют в виде явных или неявных социальных норм. Одной из таких проблем является проблема взаимоотношений индивида и общества. В то время, когда Бердяев начинал свой творческий путь, эта проблема представлялась трагичной, поскольку со всей определенностью обнаружилось антагонистические тенденции в развитии этих взаимоотношений:

«Я принужден жить в эпоху, в которой торжествует сила, враждебная пафосу личности, ненавидящая индивидуальность, желающая подчинить человека безраздельной власти общего, коллективной реальности, государству, нации» [1, с. 321]; «...всякое до сих пор бывшее организованное и организующееся общество враждебно свободе и склонно отрицать человеческую личность» [1, с. 61].

Для такого радикального заявления были и есть объективные основания, анализ которых не входит в задачу данной работы. Но были и субъективные причины, на которых остановимся подробнее.

Одна из них – гипертрофированное чувство свободы, которое, как считал Бердяев, появилось у него с самого рождения. Вот что он говорит о своем обучении в школе:

«...я никогда не мог признать никакого учителя и руководителя занятий. В этом отношении я автодидакт. Во мне не было ничего педагогического. Я понимал жизнь не как воспитание, а как борьбу за свободу. Я сам составлял себе план занятий. Никогда

никто не натолкнул меня на занятия философией, это родилось внутри. Я никогда не мог принадлежать ни к какой школе. Я всю жизнь учился, учусь и сейчас. Но это есть свободное приобщение к мировому знанию, к которому я сам определяю свое отношение» [1, с. 24-25].

А вот более поздние высказывания:

«Я изошел от свободы, она моя родительница. Свобода для меня первичнее бытия». «Я изначально любил свободу и мечтал о чуде свободы еще во втором классе кадетского корпуса. Я никогда не мог вынести никакой зависимости. И у меня была всегда очень большая внутренняя независимость. И всякий раз, когда я чувствовал хоть малейшие признаки зависимости от кого-либо и чего-либо, это вызывало во мне бурный протест и вражду» [1, с. 56]. «Выпадение из-под власти формального закона я рассматривал как нравственный долг» [1, с. 98].

Бердяев связывал первичность свободы не только со своей личной жизнью. Идея несотворенной свободы легла в основу его оригинальной философской концепции персонализма. Понятно, что врожденное, а затем и философски осмысленное чувство свободы, не допускавшее никаких компромиссов, обрекало Бердяева на конфликт с обществом, в котором ограничение личной свободы является не только «категорическим императивом», но и объективной необходимостью.

Другая субъективная причина бердяевской «неслиянности» с обществом, да и вообще со всем происходящим в не-Я, связана с противопоставлением трансцендентного и земного миров. Подчеркнем: не с самой идеей трансцендентального, а с противопоставлением его объективному бытию.

Восхождение к трансцендентному

В средневековой схоластике трансценденталии – это самые общие определения бытия, выходящие за пределы конечного, эмпирического мира (сущее, единое, истинное, благое). В кантовской философии трансцендентное знание – доопытное, априорное. Бердяев очень рано приобщился к философскому знанию:

«Во мне необычно рано пробудился интерес к философским проблемам, и я осознал свое философское призвание еще мальчиком» [1, с. 23].

Первым философом, с трудами которого познакомился Бердяев, когда ему было, по-видимому, 12 лет, был А. Шопенгауэр, пессимизм которого по отношению к обыденной земной жизни хорошо известен. В 14 лет Бердяев прочитал одно из труднейших философских сочинений И. Канта «Критика чистого разума». Кант был для Бердяева главным учителем философии. Дух трансценденции, иррационализма, мистики, так же как их паранаучных и бытовых модификаций был очень характерным явлением интеллектуальной жизни конца XIX – начала XX веков, и, конечно, он не мог не затронуть достаточно эрудированного к тому времени юношу. Возникновением философских концепций иррационализма и интуитивизма был обозначен новый качественный этап в развитии теории человеческого познания, который продолжается и в настоящее время. Проблема заключается не в бесспорном факте интуитивных или иррациональных форм знания, а в выяснении того места и роли, которые они занимают в структуре познавательной деятельности человека. Здесь едва ли уместны вопросы о первичности, вторичности бытия или началах познания, поскольку в живой познавательной деятельности разные ее формы находятся в постоянном динамическом взаимодействии. Но в те времена принцип монизма был своего рода «архетипом» человеческого мышления. Все должно иметь свое начало, и это начало должно быть одно. В вопросах гносеологии Бердяев был тоже монистом. Его позиция относительно трансцендентного была однозначной, категоричной и безосновной:

«...у меня есть напряженная устремленность к трансцендентному, к переходу за грани этого мира... И это во мне глубже всех теорий, всех философских направлений» [1, с. 38].

В индивидуальном опыте соотношение между трансцендентным и «этим» мирами может быть представлено по-разному: как сосуществование и взаимопроникновение, как полная независимость и как противоположность. У Бердяева имело место последнее:

«Обратной стороной этой направленности моего существа является сознание неподлинности, неокончателности, падшести этого эмпирического мира» [1, с. 38].

То, что Бердяев переживает как изначальное свойство своей натуры, скорее всего является результатом произошедшего в его бессознательном опыте слияния философской идеи трансцендентального, религиозного учения о греховности человеческого бытия, накопленной с ранних лет неудовлетворенности от неприятия аристократического образа жизни, неприязни к общению со сверстниками (особенно мальчиками). В описаниях своего детства Бердяев преимущественно говорит о своих отрицательных переживаниях, вызванных, правда, объективными причинами и прежде всего той конкретной средой, в окружении которой он находился. По-видимому, частный случай личной жизни в свете рано усвоенной философской системы и лег в основу того мировоззрения, которое в дальнейшем развивалось, подкрепляемое все тем же непрерывно обогащаемым отрицательным опытом.

Своеобразие бердяевской «асоциальности» состоит в том, что, приписывая совершенство только потустороннему миру, он пытается перенести хотя бы часть этих совершенств в «этот», земной мир, осознавая при этом свои ограниченные возможности и даже тщетность своих попыток. Он испытывал жалость к падшему миру и хотел ему помочь:

«Я, в сущности, более чувствовал человеческое несчастье, чем человеческий грех. Мне противна религия, понимающая человеческую жизнь как судебный процесс» [1, с. 66].

Здесь возникает конфликт, неразрешимость которого была мучительна для Бердяева:

«Два движения есть в человеческом пути, движение по линии восходящей и по линии нисходящей. Человек подымается на высоту, восходит к Богу. На этом пути он приобретает духовную силу, он творит ценность. Но он вспоминает об оставшихся внизу, о духовно слабых, о лишенных возможности пользоваться высшими ценностями. И начинается путь нисхожденья, чтобы помочь братьям своим, поделиться с ними духовными богатствами и ценностями, помочь их восхождению. Человек не может, не должен в своем восхождении улететь из мира, снять с себя ответственность за других. Каждый отвечает за всех... Свобода не должна стать снятием ответственности за ближних. Жалость, сострадание напоминает об этом свободе» [1, с. 70].

Правда у нашего философа, эта жалость и сострадание к людям носили чисто метафизический характер. Они вытекали из мировоззрения, но оставались «закупоренными» в нем, бездеятельными. Выход из конфликта свободы и жалости Бердяев усматривал в творческой деятельности.

Самопознание и творчество

Мы привыкли понимать творчество как процесс созидания чего-то нового, оригинального, нестандартного, причем неотделимого от получающегося при этом продукта – произведения искусства, изобретения устройства, написания книги, и даже просто интересной идеи. Бердяев называет это творческим актом в условиях падшего мира: здесь творчество «отяжелевает, притягивается вниз», а создаваемые культурные продукты, обремененные материей, являются лишь более или менее удачными символами настоящего творческого взлета. В этом состоит трагедия человеческого творчества, его роковая неудача в условиях «этого» мира. Значит ли это, что истинное творчество

невозможно? Бердяев называет истинным не создающее творчество, а переживание чистого творческого акта, направленного «на новую жизнь, новое бытие, новое небо и новую землю, на преображение мира». Но здесь не нужно заблуждаться: взятое в кавычки – это все то же трансцендентное бытие. Творчество есть восхождение к трансцендентному, или трансценденция:

«Творчество для меня не столько оформление в конечном, в творческом продукте, сколько раскрытие бесконечного, полет в бесконечность, не объективация, а трансцендирование» [1, с. 210].

На первый взгляд, все это напоминает рассуждения праздного мечтателя. Но давайте продолжим:

«Творческий акт человека нуждается в материи, он не может обойтись без мировой реальности, он совершается не в пустоте, не в безвоздушном пространстве. Но творческий акт человека не может целиком определяться материалом, который дает мир, в нем есть новизна, не детерминированная извне миром. Это и есть тот элемент свободы, который привходит во всякий подлинный творческий акт. В этом тайна творчества. В этом смысле творчество есть творчество из ничего» [1, с. 213-214].

Казалось бы, что рефлексия философа должна охватывать широкий круг явлений, в которых он усматривает некоторый общий момент; одновременно это должна быть многоуровневая рефлексия, удерживающая на каждом своем уровне специфические для него категории общности; и еще одно важное свойство такой рефлексии: в ней должно удерживаться живое взаимодействие между этими уровнями, позволяющее видеть не только отдельные детали создаваемого содержания, но и все это содержание в целом. Пожалуй, только философская система Гегеля воплотила в себе все эти свойства рефлексии. Остальные теории познания (это в равной степени относится и к психологическим теориям) строились на весьма узких основаниях и поверхностных аналогиях. У Бердяева таким узким основанием является идея трансценденции как высшей и конечной истины всего сущего. Смысл жизни отдельного индивида и всей человеческой истории определяется, по Бердяеву, соотношением каждого дискретного события с этим внерациональным абсолютом. Это своего рода *смысловой монизм*, который превращает жизнь человека в бессмысленное брэнное существование, поскольку что бы с ним не происходило – все это не То, «все не так, как надо» (В. Высоцкий). Многим из нас знакомо это чувство невозможности осознать смысл личной жизни. Здесь – вина неудержимой рефлексии разума, которая в своем стремлении дойти до самого начала, постепенно отвергает то, что только что попало в проекцию ее лучей, доходя в результате до пустого, бессодержательного «Ничто». Это очень похоже на бесконечные детские «почему», которые способны завести в тупик любого академика, если он попытается до конца следовать правилам игры. «Ничто» не соотносимо с «нечто». Поэтому, если мы ищем смысл, на одном полюсе которого находится что-то земное, из этого мира, то нам нужно укротить безудержную рефлексию в ее имманентном устремлении в «дурную» бесконечность и найти другой смысловой полюс в этом же земном мире. Его бесконечность – в бесчисленном количестве конечных форм бытия, каждая из которых при определенных условиях может стать целью и мотивом человеческой деятельности. Отсюда и появляется ее полинаправленность, полимотивация (А.Н. Леонтьев). Отсюда – и разнообразие человеческого творчества, неисчерпаемого не только по своей тематике, но и по своей конечной направленности. Тайна творчества состоит не в том, как из «ничего» получается «нечто», а в том, как из одного нечего (в том числе и идеального) получается другое нечто.

В самооценке творческого акта и творческого продукта разными авторами часто преобладает отрицательное отношение к достигнутому результату, более или менее сильная неудовлетворенность воплощением замысла. Бердяев не является здесь исключением, он даже слишком самокритичен. Но для него несовершенство творческого продукта – это не просто эпизодическая неудача (ведь многие испытывают и

переполняющую душу радость от написанной ими картины, научной статьи, сочиненного музыкального произведения и т.д.). Скорее это вечная трагедия, порождаемая принципиальной несовместимостью двух миров – трансцендентного и эмпирического. Единственное, что дает безусловное удовлетворение от творчества, позволяет пережить творческий экстаз, – это возможность преодолеть в нем обыденную действительность:

«Чтобы жить достойно и не быть приниженным и раздавленным мировой необходимостью, социальной обыденностью, необходимо в творческом подъеме выйти из имманентной «действительности», необходимо вызвать образ, вообразить иной мир...» [1, с. 219].

Между тем, чувство неудовлетворенности творчеством можно объяснить и без апелляции к трансцендентному.

Продуктивная память, воображение, эмоции, мышление, речь и движения тела, – все эти компоненты познавательного действия (пусть даже сугубо теоретического) и есть подлинные инструменты человеческого творчества. Именно о них говорит Бердяев, описывая реальный процесс своего творческого акта: страстное мышление; эмоциональный подъем или, напротив, спад; дискретность (недискурсивность) мысли; быстрая фиксация мелькнувшей идеи в виде незаконченного слова или фразы. Неисчерпаемость внутреннего опыта, трудность его актуализации, неустойчивость и мимолетность возникшего симультанного образа, который должен быть разложен на сукцессивный ряд дискретов, и, наконец, торможение творческого процесса самим актом его речевой (да и неречевой) объективации порождают иллюзию существования еще чего-то невыраженного, несотворенного, которое и есть истина. На самом деле то, что будто бы осталось за кадром объективации, – это ни что иное как психическая энергия, которая с самого начала питала рождающееся вдохновение и которую творец не исчерпал до конца. Но это именно энергия, а не что-то содержательное, во что она может превратиться. И у этой энергии есть множество источников, не имеющих прямого отношения к протекающему в данный момент действию, но когда-то образовавшихся при выполнении других действий. Так что «муки творчества» имеют чисто психологическую природу и связаны с ограниченными возможностями человеческой психики. Никакой принципиально непреодолимой пропасти между совершенным замыслом и его реализацией не существует.

Заключение. О понятии «самопознание»

Бердяев совершенно правильно определил свое «Самопознание» как философскую автобиографию. Вместе с тем, здесь широко представлена и психология самосознания. Есть философы, которые выступают против психологизации философии. Точно так же есть психологи, которые продолжают отстаивать независимость психологии от философии. Парадокс заключается в том, что создатель психологии как самостоятельной науки В. Вундт совмещал в себе философа и психолога. Сейчас представляется совершенно очевидным, что психология и философия познавательной деятельности должны иметь общие точки (если не целые области) пересечения. Психология познания без философского контекста способна породить лишь бесконечное множество когнитивных машин, пригодных решать примитивнейшие и тривиальнейшие задачи. Философия познания, игнорирующая психологию познавательной деятельности индивида, не идет дальше того, что дает ей интроспективный метод, и в своем бесконечном абстрагировании в конце концов приходит к мистическому «Ничто» (так случилось с Гуссерлем). По-видимому, самосознание и самопознание и должны стать такой «общей нивой», поскольку в абстрактном сознании без самости нет полноценной жизни, а в самости без абстрактного сознания нет полноценной души.

В чем же состоят «уроки» бердяевского самопознания для современной психологии самопознания? Остановлюсь на наиболее важных.

1. Центральным мотивом современных определений предмета самопознания и его содержания является указание на его направленность: в самопознании «Я» познает самого себя. О такой направленности самопознания в некоторых местах говорит и Бердяев. Со всем этим можно согласиться лишь в качестве первого приближения или предварительного знакомства с этим понятием. При таком понимании самопознания подразумевается, что Я есть некоторое автономное существо, которое вместе с тем является частью целого и взаимодействует с ним. Все начинается с презумпции отдельного Я, а затем говорится о том, что оно не такое уж отдельное. Здесь происходит смешение объекта и предмета самосознания: в самосознании я действительно могу выделить себя как нечто отдельное, подобно тому как я воспринимаю отдельные объекты физического мира. Но я не могу познать объект, если я ограничусь его автономной репрезентацией в сознании, потому что познание объекта предполагает его включенность в систему других объектов, причем в такую систему, которая не может быть, по крайней мере целиком, представлена в моем сознании (хотя бы в силу ограниченности его объема). Сознание по природе своей фрагментарно, дискретно, его интегрирующие свойства весьма ограничены. Познание непрерывно и способно объединять сознаваемые фрагменты в интегральные образы практически неограниченного объема. В самопознании, в отличие от самосознания, я с самого начала мыслю себя не автономно, а как индивидуальное целое. Бердяев говорил, что человек есть микрокосм. К этому можно добавить, что индивид есть одна из форм существования микрокосма, которая и является предметом самопознания.

2. Жизнь целого заключена во взаимодействии его образующих. В процессе этого взаимодействия происходит их дифференциация, в результате которой меняются и усложняются взаимоотношения между элементами целого. Это хорошо видно на примере истории лично-общественных отношений. Рабовладельческий и средневековый паттернизм, основанный на безусловном подчинении и даже поглощении личности обществом сменился началом эмансипации личности в Новое Время. Этот болезненный процесс продолжается и в настоящее время, причем на первый план выступает противостояние личности и общества. Одиночество и общение, индивид и коллектив, личные и общественные интересы – все эти темы рассматриваются Бердяевым с точки зрения непримиримой противоречивости и даже враждебности этих альтернатив. Противоречие всегда разрешается в пользу персоны. Здесь мы опять встречаемся с исторической ограниченностью индивидуального сознания, в котором выделенный им фрагмент истории был превращен во всеобщий закон.

Конфликтность – только один из моментов в сложной динамике лично-общественных координаций. Индивид далеко не всегда на протяжении своей жизни находится в отношении противостояния обществу. Есть люди, которые всегда находятся в согласии с обществом, признавая все существующее разумным (Гегель), и есть пожизненные бунтари (Бердяев). Позиция индивида по отношению к обществу формируется под влиянием очень многих факторов и в конце концов входит составной частью в его мировоззрение. Но именно в силу такой многосторонней обусловленности не может быть одной единственно правильной позиции, неважно как она сформулирована, – в виде концепции персонализма или в виде лозунга «кто не с нами, тот против нас».

3. В самопознании, как оно представлено в работе Бердяева, подчеркивается только одна его функция: самопознание есть способ разумного обоснования собственной жизни. Необходимость такого обоснования возникает при переживании неудовлетворенности от стихийно сложившегося образа жизни. Такое переживание может (здесь нет никакой обязательности) привести к желанию направить свою жизнь по сознательно и свободно выбранному пути. В этом заключается продуктивная функция самопознания и его главный смысл. Но именно она не вошла в сферу бердяевского анализа. И не могла войти в силу свойственного ему отрицания возможности каких-либо новообразований в духовном развитии человека. Здесь Бердяев выступает как чистый преформист. Сравнивая

себя взрослого с юношеским возрастом, он отмечает, что в нем ничего не изменилось (конечно, за исключением приобретенных знаний и опыта). *«Я всю жизнь искал правды, которую я изначально нашел, она была как бы a priori моего духовного пути»* [1, с. 333].

4. Самопознание – это психологический инструмент регуляции жизнедеятельности индивида, избравшего путь свободного развития. Не каждому человеку этот инструмент нужен, и не каждый овладевает им. Самопознание, вопреки бытующему мнению, не возникает спонтанно в силу только возрастных изменений (в отличие от самосознания). Главными и общими его предпосылками являются: накопленный индивидуальный опыт (чем он богаче и разнообразнее, тем лучшие условия создаются для работы самопознания); переживание конфликта между жизненными целями и достигнутыми результатами (у Бердяева это был конфликт между стремлением к трансцендентному и пребыванием в эмпирической действительности); навык произвольной регуляции своего поведения (не только отдельных действий или профессиональной деятельности, а именно поведения во всей совокупности условий жизнедеятельности индивида). Среди специальных предпосылок самопознания, позволяющих в максимальной степени развить эту способность, можно выделить владение общепсихологическими знаниями и склонность к интроверсии.

Литература:

1. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). – М.: Изд-во «Книга», 1991.

Поступила в редакцию 30.10.2008 г.

Сведения об авторе

А.И. Назаров – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры психологии Международного университета природы, общества и человека «Дубна».

E-mail: koval39@inbox.ru